

Э.Г. ЗАДОРЖНИК
(Институт славяноведения РАН, Москва)

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ «БОГАТЫХ» И «БЕДНЫХ» СЛАВЯНСКИХ СТРАН*

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. *Euroscepticism of the «rich» and the «poor» Slavic countries*

The article presents an analysis of the two versions of subregional Euroscepticism — Western Slavic and Southern Slavic — and their role in preserving the identity of each of the Slavic countries of Central and South-Eastern Europe. The author emphasises the fact that the ideas of Slavophilism and even Panslavism, tinged with Euroscepticism, still exist today. The new alignment of political forces specifically reveals the urgency of unification of the Slavic Peoples on both subregional and regional levels in order to strengthen the identity of their respective states.

Ключевые слова: славянские страны, евроскептицизм, субрегиональный евроскептицизм, евроатлантизм, регион, типологизация, идентичность.

Феномен евроскептицизма в контексте идентичности славянских стран рассматривается в данной статье с опорой в основном на материал изданного в 2015 г. сотрудниками Института славяноведения РАН фундаментального труда, в котором анализируются процессы и последствия трансформаций в одном из сложных регионов Европы¹. Это издание дает уникальную возможность проводить сравнительно-исторические исследования как по региону Центральной и Юго-Восточной Европы в целом, так и по входящим в его состав славянским государствам. Книга получила высокую оценку российской академической общественности, в одной из рецензий на которую справедливо подмечена ее актуальность, своевременность, а также «востребованность не только аналитиками (от историков и политологов до специалистов по внешнеэкономическим связям), но и специалистами самого различного профиля (внешняя торговля, сфера туризма и т.п.)»². Она фактически стимулирует тренды нового научного поиска. Автором привлекались также и материалы, характеризующие срез политической ситуации в славянских странах в 2016–2017 гг., и др.

В статье предпринята попытка охарактеризовать проявления евроскептицизма в 10 государствах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые являются славянскими по своему этническому наполнению, а

* Статья подготовлена в рамках комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы». Проект «Евразийство в политических проектах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. XX век».

также сравнить выделенные в итоге два субрегиональных варианта евроскептицизма.

Феномен евроскептицизм стал пристально рассматриваться в политологическом ракурсе еще с конца прошлого века — в первую очередь, в работах П. Таггарта и А. Щербяка [оба из Сассекского Европейского института (СЕИ), Великобритания]. Первый в 1998 г. ввел в научный оборот термин «евроскептицизм»³, хотя он уже в 1970-е годы появлялся в журналистской среде⁴. Таггарт на материале 15 стран-участниц Европейского сообщества и Норвегии охарактеризовал данный феномен как принципиальное отторжение той или иной политической партией идеи Европейского союза и процессов европейской интеграции.

Позже Таггарт и Щербяк, расширив рамки анализа и включив «новых» членов ЕС, предложили типологизацию, по которой «партийный» евроскептицизм разделялся на «жесткий» и «мягкий». Первый идентифицировался с принципиальным неприятием ЕС и европейской интеграции⁵ — партии, занимающие эту позицию, требуют выхода своей страны из ЕС, а их политика направлена в целом против проекта европейской интеграции в его нынешнем виде. В противоположность этому «мягкий» евроскептицизм — политика, которая не представляет принципиальных возражений против членства в ЕС, но содержит таковые по отношению к одной или нескольким политическим сферам; партии, придерживающиеся этой позиции, также критикуют несовместимость траектории ЕС с национальными интересами вошедших или входящих в него государств.

Предложенная концепция почти сразу же стала объектом критики за чрезмерную широту определения «мягкого» евроскептицизма, поскольку в его дефиницию подпадали как правящие партии, например, чешская Гражданская демократическая партия или венгерский Фидес, которые как раз и вели свои страны к членству в ЕС, так и некоторые партии, не согласные с европейской интеграцией, например, Словацкая национальная партия. Анализируя деятельность этих и ряд других европейских партий, П. Копецки и К. Мудде предложили свою типологизацию, включающую евроэнтузиастов и еврооптимистов, с одной стороны, и европрагматиков и евроскептиков — с другой⁶. При этом евроэнтузиасты выступают «за» передачу власти наднациональным органам и рост суверенитета ЕС; европрагматики не поддерживают передачу власти, но не возражают против дальнейшего роста суверенитета ЕС. Евроскептики, по градации этих авторов, настаивают на передаче власти, но не поддерживают дальнейшее увеличение полномочий ЕС, а «евроотрицатели» не согласны ни с передачей власти, ни с ростом полномочий ЕС⁷.

Таггарт и Щербяк под их влиянием скорректировали свою типологизацию, уточняя, что «жесткий» евроскептицизм не означает тотально

негативного отношения той или иной партии к членству в ЕС; скорее, они сопротивляются передаче власти и части суверенитета транснациональным структурам⁸. Под «мягким» же евроскептицизмом подразумевается отсутствие принципиальных возражений против проекта европейской интеграции, основанного на передаче власти в наднациональный орган, и вместе с тем наличие оппозиции ряду существующих или планируемых траекторий ЕС, предполагающих дальнейшее расширение его компетенций⁹.

Следует отметить и другие попытки типологизации евроскептицизма¹⁰, но именно Тагарту и Щербяку удалось не только обосновать указанное разделение между двумя видами евроскептицизма, но и наметить разность форм его проявления в странах ЕС и тех государствах, которые в Евросоюз лишь устремлялись. Хотя их работа и примечательна как своими выводами, так и прогнозами, сами авторы предупреждали: евроскептицизм может модифицироваться вслед за довольно динамично меняющейся политической конъюнктурой. Попытки же расширить ряд названий для указания на динамику установок евроскептицизма и опереться более прочно на результаты политического мониторинга (сами авторы провели его недостаточно тщательно; так, Болгарии было отказано в наличии партий евроскептической направленности — предшественников Атаки*, которая заявила о себе в 2005 г.) особого успеха не принесли.

Евроскептицизм многое объясняет в двух относительно давно употребляемых метафорах. Первая — «Европа двух скоростей», фиксирующая неравномерность темпов развития и разность его результатов относительно «старых», западноевропейских членов Евросоюза, и «новых» — стран Центральной и Юго-Восточной Европы (иногда употребляется также метафора «Европа двух с половиной скоростей»; в случае же гипотетического вхождения в ЕС Украины, возможно, придется говорить о «Европе с задней скоростью»...) ¹¹. Вторая, введенная нами в 2002 г., метафора — «каучуковый занавес», которым обозначается некая эластичная, но тем не менее трудно преодолимая граница между указанными выше группами стран Евросоюза: «...занавес, перестав быть “железным”, все же остался в качестве “каучукового” и в некоторых аспектах, в первую очередь экономическом, столь же трудно проницаемым» ¹². Удивительно, но с течением времени эта метафора приобретает все большую убедительность.

* Атака — националистическая политическая партия, созданная в Болгарии в 2005 г. Подробнее см.: Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2015. С. 42.

Журнал «The Economist» в 2014 г. опубликовал редакционную статью под названием «Новая Европа разделена по отношению к России так же, как и Европа старая с неприятными последствиями для всех стран», которая, думается, подтверждает наличие именно этого «занавеса». В статье говорится о поясе лежащих между Черным и Балтийским морями стран, которые в разные периоды носили различное название: «окровавленные страны» во Второй мировой войне, «плененные нации» в годы войны холодной, «экс-коммунистические нации» после нее и «новые члены ЕС» в настоящее время. При этом сегодня, небезосновательно признает журнал, Польша и страны Балтии занимают позиции «ястребов» в вопросе антироссийских санкций, Венгрия выступает против, Чехия и Словакия проявляют сдержанность, а Болгария трактуется как троянский конь России в ЕС, хотя ее отношение к Южному потоку, на наш взгляд, говорит как раз об обратном¹³.

В отличие от указанных и других работ, в настоящей статье не ставилась задача следовать строгим канонам политологического анализа. Цель данного исследования — попытаться, в чем-то метафорически разделив славянские страны региона Центральной и Юго-Восточной Европы на «богатые» и «бедные» по сугубо количественным показателям, обосновать наличие двух субрегиональных вариантов евроскептицизма. На этом основании — даже с учетом значимых различий внутри указанных субрегионов (наиболее яркое исключение являет собой Словения, предельно приблизившаяся к западноевропейским образцам) — можно говорить о «западнославянском» и «южнославянском, или балканском» евроскептицизме; различия между ними в чем-то напоминают более ранние разграничения и маркируют соответствующие идентичности. При этом «балканский клин» находился и остается на острие борьбы за стабильность/нестабильность во всей Европе (а то и в мире), в то время как западнославянские государства предстают неким «предместьем» в столкновении евроатлантизма и евразийства (о чем нам уже приходилось писать)¹⁴. «Предместьем», которое может превращаться и в плацдарм для давления, и в оживленную площадь взаимодействия — не только для передвижения товаров и достижения политических компромиссов, но и продуктивного обмена культурными ценностями.

Данная работа носит постановочный, а в чем-то поисково-открытый характер, а ее выводы нуждаются в дальнейшем уточнении. Но полагаться на вполне выверенный политологический анализ и делать на его основании прогнозы в странах региона, и особенно в балканском субрегионе, сегодня невозможно: факторы, переформирующие общую картину Европы (и мира), столь стохастичны (непредсказуемы) и в то же время действенны, что любые прогнозы выглядят принципиально ве-

роятностными. Достаточно вспомнить Брекзит на западе континента и события на Украине в его центре, или же страстно ожидаемую, но так и не просчитываемую политику президента США, курс которого не может вычислить ни вся Европа, ни ее регионы, ни тем более богатые и бедные страны ее субрегионов.

Если принять за условную границу показатель ВВП в 15 тыс. долларов на душу населения в год, то к середине второго десятилетия нового века страны региона можно разделить на две группы. Первую в 2013 г. составляли: Словения — 23 999 долл.; Чехия — 22 067; Словакия — 19 696; Хорватия — 19 025; Польша — 17 776. Вторую: Черногория — 14 710 долл.; Болгария — 11 474; Македония — 9577; Сербия — 9533; Босния и Герцеговина (БиГ) — 7713¹⁵.

С ВВП коррелирует в значительной степени Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (правда, можно отметить предельную близость показателей Хорватии и Черногории). В 2015 г. ИРЧП в Словении составил 0.880 (25-е место в мире); Чехии — 0.870 (28); Словакии — 0.844 (35); Польше — 0.843 (36); Хорватии — 0.818 (47); Черногории — 0.802 (49); Болгарии — 0.782 (59); Сербии — 0.771 (66); Македонии — 0.747 (81); Боснии и Герцеговине — 0.733 (85).

Еще один показатель в чем-то «смазывает» картину: продолжительность жизни в Словении составляет 79,5 лет, а в Болгарии — всего 73,6; почти ровно посредине расположилась терзаемая этноконфликтами Босния и Герцеговина — 75,8; до нее идут Сербия — 74,7, Черногория — 74,8, Македония — 75, даже Словакия — 75,6, после нее — Польша — 76,3, Хорватия — 77, Чехия — 77,8¹⁶.

Рассмотрим указанные страны в ракурсе указанной темы (и проблемы) в порядке с севера на юг.

Польша — страна в регионе особая, начиная с ее внешнеполитической конфигурации (действительно, не перерастает ли количество соседей государства после 1989 г., увеличившееся с трех до семи, в некое новое качество внешней политики?), мононационального (97,6% жителей — поляки) и моноконфессионального (95% — католики) характера. Польский народ, а куда больше — при всех изгибах политических траекторий — представители властвующей элиты после 1989 г. неизменно равняются на Запад, а еще точнее — на США.

В 2004 г. 33% поляков верили в идею Евросоюза, 31% считали невыгодным членство в нем, а 36% ожидали понижения уровня жизни в стране. В 2005 г. верили уже 54% — выше среднего по ЕС (хотя 53% полагали, что мнения поляков не учитываются в решениях Брюсселя)¹⁷. В 2016 г. эта цифра достигла 72%¹⁸. Но партия Право и Справедливость (ПиС) до и после заключительного опроса оставалась носителем цен-

ностей евроскептицизма — равно как и ряд левых партий; после прихода ПиС к власти возникли и элементы еврофобии. Элита осуществляет спорадические действия в этом духе, но в массах в большей мере доминирует умеренный евроскептицизм, а не столь зашкаливающий на фоне других стран региона еврооптимизм.

Партия Конгресс новых правых и ее лидер Я. Корвин-Микке обещала «взорвать Евросоюз изнутри». На выборах в Европарламент в 2014 г. партия набрала 7% голосов, даже несмотря на то, что ЕС дает (до 2017 г.) Польше деньги, и во многом поэтому еврооптимизм сохраняет свои позиции¹⁹.

ПиС, безусловно, «за» НАТО, но с ЕС у нее нарастают конфликты по поводу ущемления третьей (судебной) и четвертой (СМИ) власти, по проблеме миграции, по кризису моральных ценностей. Специфика польского евроскептицизма заключается в том, что правящая элита страны «любит» Брюссель, а тем более Вашингтон через голову Берлина, но с отдельными странами-евроскептиками отношения разные и в разное время изменчивые. Польская правящая элита хотела бы оседлать волну евроскептицизма в регионе, но не может этого сделать из-за русофобии, тем более, что тотальных ее проявлений среди населения страны не наблюдается. Именно поэтому цифра в 72% поддерживающих ЕС представляется нам завышенной, а еврооптимизм в стране носит, по крайней мере, многослойный характер — может, в большей мере, чем евроскептицизм.

Возникают даже такие казусы: в самом конце 2016 г. украинский президент П. Порошенко заявил, что именно Украина и Польша могут спасти Европу от популизма, равнодушия и эгоизма, поместив в ряд этих зол и евроскептицизм. Ведь со стороны обеих стран наблюдается постоянный шантаж: закроем транзит газа даже себе во вред, но сдержим сближение России и Европы, чтобы «насолить» и тем, и другим. Такая политика, может, и нравится ряду западных стран, но она мало совместима с голосами здравого смысла: надо налаживать отношения с Россией и Германией.

Если обратиться еще к одному казусу министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, громко ругавшего Россию (но, так сказать, втихомолку) и США (контрабандно полученная запись его частного разговора в ресторане в июне 2014 г. в чем-то удачно выявляет скрываемый «на людях» стиль политиков этого региона), то слова шекспировского Меркуцио: «Чума на оба ваших дома» — могут и не показаться чрезмерно неуместным выражением собственно одного из польских вариантов евроскептицизма. Пан Сикорский в этом разговоре выражениями за гранью приличия осуждал чрезмерную зависимость от США внешнеполитичес-

кого курса Польши, что в принципе может лишь упрочить «каучуковый занавес» между нею и Россией, а в равной степени также и Германией. Это нужно учитывать при оценке в стране как еврооптимизма, так и евроскептицизма.

Политическую жизнь Чехии можно назвать довольно «скудной» — разве кроме редко кем прогнозируемых трансформаций евроскептицизма самой верхушки ее политической элиты. На него одним из первых в регионе ориентировался премьер-министр, а затем и президент В. Клаус — в пику гипереврооптимисту В. Гавелу. Но эту же позицию занял и энергичный социал-демократ М. Земан (президент с 2014 г.). Общий и в чем-то надпрезидентский источник евроскептицизма и даже европессимизма — особый баланс взаимоотношений между политической элитой и гражданским обществом или, лучше сказать, гражданами. Они взвешенно организуют свою жизнь, не всегда откликаясь на в чем-то истинные призывы первого президента к тотальной демократизации, не принимая всех установок гиперевроскептицизма второго и примиряясь с эскападами по внешнеполитическим вопросам третьего.

Чешский премьер-министр социал-демократ Б. Сobotка еще в апреле 2014 г. констатировал падение доверия чешского населения к ЕС. По его мнению, это своего рода наследие экс-президента В. Клауса и прежнего правления правых партий. В марте 2016 г. он заявил: «Членство в ЕС — это ключевая гарантия нашего процветания и безопасности, это подтверждение нашей европейской идентичности и важное следствие западной и демократической ориентации чешского общества и нашей страны после 1989 г.»²⁰.

В середине же июня 2016 г. 57% чехов рассматривали членство своей страны в ЕС как риск²¹. Риск, который уместнее назвать традиционной осмотрительностью. Примечательна в этом плане амбивалентная позиция считающегося евроскептиком президента М. Земана. 30 июня 2016 г. он выступил с призывом провести референдум²² по членству ЧР в Евросоюзе и НАТО, подчеркнув, что лично он проголосовал бы за сохранение членства в обеих структурах²³. Представитель еще одной части чешской элиты, бывший президент ЧР В. Клаус, считающийся убежденным еврореалистом, в самом начале 2017 г. выразил уверенность в том, что в ближайшие годы Евросоюз ждут кардинальные перемены, однако его распад не предвидится. «Я ожидаю, — отметил он, — что Европа будет кардинально меняться, причем непременно к лучшему»²⁴.

Осенью 2017 г. в ЧР пройдут парламентские выборы; победу в них, согласно прогнозам, предсказывают движению Акция недовольных граждан (АНГ 2011) нынешнего вице-преьера и министра финансов миллиардера А. Бабиша, которое входит в правящую коалицию (ЧСДП,

ХДС-ЧНП, АНГ 2011). Вхождение ЧР в зону евро может произойти не ранее 2019 г. и даже 2020 г., но вспышек ни еврооптимизма, ни евроскептицизма по этому поводу не предвидится; выход страны из ЕС не поддерживает ни одна из чешских парламентских партий.

В *Словакии* на ее вариант евроскептицизма оказала влияние активность «рыхлых коалиций» — феномена политической жизни, свойственного далеко не всем странам региона; эти коалиции — «подарок» ЕС. В то же время Словакия вошла, вслед за Словенией, в зону евро. Словакия (в лице премьер-министра Р. Фицо) и Чехия (в лице президента страны М. Земана), выбываясь из строя стран ЕС, пытаются занять сдержанную позицию в отношении антироссийских санкций.

Словакия стала членом ЕС и НАТО в 2004 и 2005 гг., что нарастило силы партии Направление-СД (Н-СД) Р. Фицо, организованной на основе левых политических сил (она пришла к власти в 2006 г.). Ее вариант евроскептицизма отличался прагматизмом, тем более уместным, что страна граничит с благополучной, но принципиально нейтральной — во всех отношениях — Австрией. Ряд исследователей включают партию Н-СД в категорию «мягкого»²⁵ или умеренного евроскептицизма с учетом решительного отстаивания ею национальных интересов государства. И она никогда не выступала против членства в ЕС, хотя критикует отдельные стороны нынешней модели европейской интеграции.

Глава словацкого кабинета министров в июне 2016 г. подчеркнул в интервью: «Европейский союз нам необходим, в противном случае мы бы не выжили». Вместе с тем он говорил как о большой ошибке о том, что крупные решения принимаются только сильными и излишне консолидированными игроками. «Мы не можем пользоваться старым брюссельским языком и прежнее руководство ЕС должно закончиться, когда на встрече двух-трех великих держав принимаются решения. В противном случае ЕС грозит конец. Я в этом абсолютно уверен»²⁶, — резюмировал Р. Фицо.

«За» членство Словакии в ЕС в середине 2016 г. высказались 52,3% респондентов, хотя в 2010 г. их было 68%²⁷. В сентябре 2016 г. как раз в Братиславе встретились евролидеры, чтобы обсудить будущее Евросоюза после июньского референдума в Великобритании о выходе из ЕС. В ходе встречи А. Меркель предупредила, что Европа находится в «критической ситуации», а председатель Европейской комиссии Ж.К. Юнкер говорил об «экзистенциальном кризисе».

1 февраля 2017 г. Р. Фицо утвердил создание подразделения полиции по борьбе с экстремизмом и фашизмом, следы которого он обнаруживает и в Европе. 125 сотрудников будут отслеживать возможные инциденты, в частности, со стороны ультраправой Народной партии — Наша Словакия (НП-НС), которая, набрав в 2016 г. 8% голосов на парламентских

выборах, вошла в состав Национального совета СР. В то же время, можно сказать, в духе еврооптимизма он выступил против политической практики референдумов в ЕС, за сохранение на своей территории командных структур НАТО. Вместе с тем Фицо не поддерживает антироссийские санкции, выступает против угрозы исламизма, то есть в русле евроскептических тенденций.

Если оценивать, прибегая еще раз к метафорам, ситуацию со *Словенией*, то можно сказать, что это едва ли не единственная славянская страна со счастливой судьбой. Это особенно заметно на фоне других государств — бывших республик Социалистической Федеративной Республики Югославии. Немногим более 2 млн. населения живет наиболее обеспеченно из всех славянских стран региона. Словения с 2004 г. входит в НАТО и ЕС, с 2007 г. — в Шенгенскую зону, а с 2010 г. — в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Страна, казалось бы, могла позиционировать себя как оптимальный еврооптимист, причем не только в регионе, но и в Европе в целом. Она первой вступает в евроструктуры, вводит евровалюту — и первая по этой причине богатеет. Правда, голландцы или австрийцы побогаче, но никто не напоминает, что им «в затылок дышат» словенцы: страна находится всё же на периферии европейской жизни. Даже в связи с мигрантами о ней почти не упоминают, хотя Словения в конце 2016 г. и приняла — вопреки воле ЕС — закон о закрытии границ для мигрантов. Избыток любви от Европы и вечный европраздник, правда, не наблюдается, и инструкции, приходящие из Брюсселя, далеко не всегда благостны. К примеру, Словении, чтобы стать вполне европейской, нужно защищать права трансгендеров, но где их взять, импортировать, что ли? Ряд требований экономического характера, особенно относительно местной продукции, столь ограничительны, что поневоле вспоминается известное: «храни нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь».

В чем-то реакцию «головокружения от успехов» сдерживает явно евроскептическая Словенская национальная партия. Ее лидер З. Елинчич ранее выступал против бомбардировок Сербии, признания Косово, присоединения к ЕС (считая, что Евросоюз распадется к 2020 г.) и НАТО. При этом он остро критикует как либералов, так и коммунистов, осуждает «марионеточную политику властей», бессмысленные директивы ЕС, санкции против России. Партия была основана в 1991 г. и получила 10% голосов, а в 2014 г. — 2,2%, но надеется пройти 4% барьер в 2018 г. К ней близка Партия словенского народа.

Хорватия после Ф. Туджмана и войны 1995 г., когда 150 тыс. сербов ее покинули, заявляла о себе как о стране, где укрепились «начала демократии», которые идентифицировались с моноэтническим государством.

С 1996 г. наместились признаки нормализации ее отношений с Сербией. Ультрапарадоксальным в истории двух стран с некогда единым языком является то, что 25 июня 1991 г., к моменту распада Югославии, когда парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость, национализм был заклеен лишь как «великосербский» — не без попустительства со стороны ЕС.

Хотя авторитет Хорватии не был высоким в связи с «реинтеграцией» территории Республики Сербская Краина и существованием авторитарного режима, несовместимого с западным представлением о демократии, частичная международная изоляция ею преодолевалась. В начале января 2015 г. президентом страны стала К. Грабар-Катарович, представитель партии Хорватское демократическое содружество, победив якобы ориентирующегося на «югоностальгию» социал-демократа И. Йосиповича; правда, ей досталось нелегкое наследие: число безработных в стране по сравнению с 2008 г. выросло с 9% до 19%²⁸.

В связи с этим ожидалось усиление воздействия установок евроскептицизма самой различной направленности. Однако выборы 8 ноября 2016 г. продемонстрировали, что ни светски-прогрессивная Социал-демократическая партия, ни католически-консервативное Хорватское демократическое содружество, ни даже недавно возникшая партия с размытой идеологической платформой Мост карту евроскептицизма не разыгрывали, дав основания для, может, и не вполне правомерного, но сегодня хлестко и часто звучащего лозунга: в Хорватии евроскептиков нет.

На выборах 13 ноября 2016 г. в *Болгарии* беспартийный генерал ВВС Р. Радичев победил с опорой на Болгарскую социалистическую партию оппонента У. Цачеву, которая заявила о преимуществах проевропейского курса страны. Но говорить об усилении здесь евроскептицизма вряд ли стоит: сразу после победы Радичев напомнил, опровергая слухи о своей пророссийскости, что именно он — первый болгарин, окончивший военно-воздушную академию США и натовский генерал; в экономике же он выступает за прагматизм. Еврофилия не значит русофобия, неоднократно заявлял Р. Радичев, но ему остается доказать, что русофилия отнюдь не равна еврофобии.

Радичев указывает на бесполезность санкций к России, в то время как президент Болгарии Р. Плевнелиев говорил еще в декабре 2016 г., что Россия финансирует антиевропейские партии, стремясь подорвать ЕС изнутри. Его нельзя — как лидеров партии Атака, явно евроскептической партии, которая получала места в парламенте, но в 2014 г. не прошла в Европарламент — назвать последовательным евроскептиком, но он обозначил линию усталости от ЕС, от толерантности, ущемляющей православных и их ценности, от патологического невнимания к эконо-

мике, от США и НАТО, «сжевавших» Южный поток. Это произошло до «эры Трампа», что весьма примечательно; ожидается прекращение действия алгоритма, в соответствии с которым приезжает в Болгарию Х. Клинтон, — происходит «заморозка» АЭС, Д. Маккейн — соответственно, Южного потока...

Евроскептицизм усиливается и на фоне обострения национального вопроса: Атака выступает против цыган и турок, она же и другие партии — против «обезбългаряването», т.е. потери этнической идентичности в рамках ЕС²⁹.

В *Боснии и Герцеговине* настроения евроскептицизма особо сильны, в первую очередь, в Республике Сербской. Об этом еще в конце 1990-х годов писал К.В. Никифоров, а ход событий подтвердил правильность его оценок³⁰. БиГ — постоянный раздражитель для еврооптимистов, а радикально или даже экстремистски ориентированные партии здесь демонстрируют амбивалентную политику: мы пойдем в ЕС, если задавим то или иное меньшинство, хотя как раз это является условием невхождения. Поэтому в их дискурсе понятие «евроскептицизм» употребляется крайне редко. Слово же «Сараево», идентифицируемое с сербским национализмом, заставляет Европу вздрагивать и 100 лет спустя после тамошнего выстрела, а его перетекание в слово «Дейтон» тоже далеко не успокаивает. Надо, чтобы Дейтон не стал Сараевом, — об этом беспокоятся и столичные политики, и евроскептики, и еврооптимисты, не всегда считаясь, можно сказать, с инстинктивным евроскептицизмом народа.

Референдум 25 сентября и местные выборы 2 октября 2016 г. показали, что Республика Сербская активно борется за свою этническую идентичность, окончательно похоронив идею мультинационального государства; боснийские сербы провели референдум о праздновании Дня Республики вопреки воле Сараева.

Главная причина последовательного евроскептицизма в *Сербии* — ультимативная политика ЕС по отношению к Балканам в целом и в основном к этому государству как некоему невралгическому узлу европейской и даже мировой политики. Собственно «бархатная» революция растянулась здесь на 10 лет, затем наступил этап новой, «цветной» (она же — «бульдозерная») революции. Сербский этнос и его государственность загоняют в некую дисгармоничную сегментацию с целью деформировать его идентичность. С одной стороны, каждый восьмой из 7 миллионов ее жителей — беженец из бывших республик СФРЮ, с другой, страна и сегодня территориально урезывается. Это не может не вызвать евроскептицизма как у элиты, так и у масс.

Сербия — насильственно умирямая страна, где впервые использовались тщательно отработанные новые политтехнологии при поддержке

новейших военных технологий с целью подавления воли и этносов, и государственных образований. И даже она подвергается соблазну — скорее, обещаемому элите, чем предоставляемому народу статусу благоприятствования в ЕС. За это приходится «платить», во-первых, прозападноевропейским внешнеполитическим курсом («за» вступление в ЕС, по опросам 2007 г., выступали 72% сербов, но лишь 26% — «за» вхождение в НАТО) и полуфактическим полупризнанием отделения Косова (1 марта 2012 г. Брюссель решил предоставить Сербии статус кандидата на вступление в ЕС; сербское руководство 19 апреля 2013 г. подписало в Брюсселе договор о нормализации отношений с самопровозглашенной республикой).

Сербии пришлось смириться и с Международным трибуналом в Гааге, который превратился в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности. Где есть такая густая тень — там и яркий «свет»: независимое Косово как своеобразный клин «балканского клина».

Понятна реакция президента Т. Николича на такие «данайские дары»: «Лучше Сербии быть российской провинцией, чем стать европейской колонией». Даже при том, что в 2010 г. торговля с ЕС составляла 56% торгового оборота страны, а ЕС ежегодно выделял по 200 млн евро на подготовку к ее вступлению в ЕС³¹.

В 2014 г. 48% респондентов проголосовали бы «за» вхождение в ЕС, а 37% — «против». 2016 год, особенно самый его конец, по-новому переформатировал соотношение еврооптимизма и евроскептицизма. Брекзит и миграция в течение года, избрание Трампа и «русский поезд» с символикой «Косово — это Сербия» на фоне бетонной стены в Косовска-Митровица, встреча 1 февраля 2017 г. в Брюсселе Ф. Могерини, Й. Столтенберга, премьер-министров А. Вучича и М. Мустафы (Косово), на которой обсуждалось создание вместо KFOR самостоятельных вооруженных сил Косово³², — все это едва ли будет сдерживать нарастание настроений тотального евроскептицизма в стране.

Элита *Черногории* начинает избавляться от эйфории отрыва от Сербии, имплицитно предполагавшего ускоренное вхождение в ЕС и НАТО. Поощрения этой эйфории — грех, который воздается ростом настроений евроскептицизма подавляемого ей народа, испытывавшего шок от присоединения страны к антироссийским санкциям.

21 января 2017 г. протокол о вступлении Черногории в НАТО утвердило 21 государство, входящее в альянс, готовится утвердить Франция, ратифицировать его должны и США. На этом фоне новые краски приобретают антироссийские выпады М. Джукановича (премьер-министр Черногории в 1991–1998 гг., 2003–2006 гг.; президент в 1998–2002 гг.; именно он ввел евро, чтобы оторваться от Сербии). Еще 16 октября 2016 г. он

приписывал России подготовку попытки государственного переворота, а уже 17 октября его Демократическая партия социалистов победила на выборах.

Против вхождения в ЕС и НАТО выступала партия Демократический фронт Черногории, но нарастание евроскептицизма черногорцев выражала не только она.

Республика Македония вошла в ООН в 1993 г. под названием Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ). Нормально назвать это государство международное сообщество не может, а вот межэтнические конфликты и «цветные революции» им особо не сдерживаются... Такова судьба и других славянских стран «балканского клина», а также причина нарастания в них евроскептицизма.

Население Республики составляют немногим более 2 млн человек, при этом четверть его — албанцы. Уже эти факты говорят о том, что страна в принципе конфликтогенна по самым различным направлениям. В то же время ее становление прошло относительно спокойно, в отличие от практически всех остальных республик, даже Словении, не обошедшейся без небольшой войны. Стабильную жизнь в стране взорвал военный конфликт между местной Освободительной национальной армией (ОНА) в Македонии, не отрицавшей своей связи с Армией освобождения Косово (АОК), и государственными властями в 2001 г. На начало 2015 г. ВВП в стране по сравнению с 2013 г. вырос на 3,7%, но безработица достигла 28%; 447 тыс. граждан Македонии, т.е. четверть ее населения, живут за ее рубежами³³.

В 2015 г. послом США в Македонии стал бывший посол в Турции Д. Бейли — на фоне непрекращающегося давления албанцев. «Цветная» же революция 17 мая 2015 г. в стране закончилась провалом. «Когда-то мы мечтали о ЕС как о манне небесной, но сейчас растет евроскептицизм»³⁴, — заявляют представители политической элиты Македонии.

* * *

Таким образом, евроскептические настроения представляют собой, скорее, мозаику, чем общий тренд. И на вопрос: почему бы им не создать вариант западнославянского субрегионального евроскептицизма — определенного ответа пока не имеется.

Историческая память — «за» такой вариант, хотя Чехия так и не забывает «тешинский синдром», а поляки упрекают ее за чрезмерную экономическую зависимость от Германии. Обе страны «завидуют» Словакии, вошедшей в 2009 г. в зону евро. Евроатлантическая же сверхактивность Польши возбуждает у соседей страхи перед угрозой ее русофобии, и они

остаются осмотрительными по отношению к северному соседу. Так, по многочисленным опросам, поляки больше симпатизируют чехам, чем наоборот; словаки же чаще тех и других симпатизируют русским.

Политически Польша бросается из крайности в крайность в связи с ротацией правящих партий, Чехия же и Словакия занимают более умеренные позиции. Их варианты евроскептицизма ближе к странам материковой Европы, а Польша ближе к Брекзиту, чем любая другая страна региона. Ожидается, что с прекращением платежей от ЕС в 2018 г. евроскептические настроения в стране резко усилятся.

По отношению к ряду носителей евроскептических установок в той же Польше невольно возникает вопрос: а не являются ли они подлинными еврооптимистами? Ряд их инициатив, скажем, антимиграционных, свидетельствуют как раз об этом. Особенно когда еврооптимизм все чаще сводится к диктатуре меньшинств и покровительству антиобщественного поведения неевропейцев.

Комментируя материалы заседания ЕС 15 декабря 2016 г., аналитики приводят следующие данные: во Франции положительные оценки деятельности ЕС в 2015 г. составляли 55%, а в 2016 г. — 38%; в Греции в 2012 г. — 37%, а в 2016 г. — 27%; в Великобритании европейские институты поддерживают 44%. В Польше же эта поддержка достигла 72%, а в Венгрии — 61%; что касается балканских стран, то данных о них не приводится³⁵.

Последние две явно завышенные цифры вызывают сомнения. Что же касается балканских стран — то там, как всегда, всё наоборот: страны, относимые нами к «богатым», Евросоюз как раз поддерживают, а вот в «бедных» евроскептицизм нарастает и принимает агрессивный характер.

Народам Югославии есть чем гордиться: в прошлом их страна была лидером Движения неприсоединения, опираясь на опыт сожительства народов, выковывавшийся в рамках федеративного государства; его лидер И. Броз Тито обладал большим международным авторитетом. Взамен появилась россыпь националистических лидеров — от Туджмана до Тачи, да становящихся всемирно известными теннисистов. Отсюда — своеобразная «колючесть» всех видов постъюгославского евроскептицизма: и угодливого словенского, и мстительного сербского, и пестрого боснийско-герцеговинского.

В балканских странах в рассматриваемый период применялись новшества, устрашающие своим лицемерным оформлением. Одно из них — «информационная война» в качестве заметного, а в чем-то даже ключевого фактора. Вчера жертвы такой войны — в первую очередь, сербы, а сегодня — десятки других народов во всем мире. Ее участники — корреспонденты западных СМИ, выступавшие как дипломаты, и

дипломаты, сводившие свою активность к журналистике; известные фирмы, занимавшиеся предоставлением услуг в сфере общественных связей (PR-компании); интеллектуалы и «простые труженики», например, из южных штатов США, часто не знавшие, что есть такой народ, как сербы, и такой край, как Косово.

На примере Балкан видно также, насколько легко запускаются в странах региона механизмы самоосуществляющегося пророчества, когда предсказание формирует и даже форсирует событие, когда неосторожные слова накликают немалую беду. Всё это не может не интенсифицировать настроений евроскептицизма, а как его фона — гипероптимизма в той же Словении. В том, что балканский кондоминиум важен в плане оптимального энергообеспечения, не сомневался бы и ребенок. Но вот субрегиональная идентичность не складывается, а потому ни евроскептицизм, ни евроатлантический скептицизм никак не могут укорениться. Ситуация усложняется наличием мусульманских вкраплений и миграционных потоков. Но, в первую очередь, единению мешает анемичность экономик ряда балканских стран. Рост евроскептицизма в таких условиях безальтернативен, что опровергает тезис о том, что бедность скрепляет Евросоюз.

Что касается евроатлантистов, то для них очаги напряжения, в тех же БиГ или Македонии, должны постоянно тлеть. Вооруженный конфликт там не нужен никому, но это та ситуация, когда манипулирование им как угрозой нападения страшнее самого нападения.

Так можно ли говорить о двух вариантах субрегионального евроскептицизма и какова их роль в сохранении идентичности каждой из славянских стран? Скорее и легче, на наш взгляд, допустить «наличие его отсутствия». Но современная политика — «дама» чрезвычайно изменчивая, и, казалось бы, напрочь забракованные идеи славянофильства и даже панславизма полностью никогда не исчезали и не исчезнут. «Каучуковый занавес» в ряде мест уже заменяется металлическими стенами — в первую очередь, от мигрантов; в том же, что в плане экономическом он так и не исчезал, мало кто сомневается. Более важно, что новый расклад политических сил — даже без воздействия фактора Трампа — по-новому выявит настоятельность единения славянских народов как на субрегиональном, так и на региональном уровнях с целью укрепления их идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2015.

² *Тевиев Б.К.* Рецензия на книгу: «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-

политологический справочник». Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 480 с. // Вестник Российской Академии наук. 2016. Т. 86. № 1. С. 86–91.

³ *Taggart P.* A touchstone of dissent: Euroscepticism in contemporary Western European party system // *European Journal of Political Research*. 1998. 33 (3). P. 363–368.

⁴ Проявления скептического отношения к проектам Европейского содружества наблюдались в Великобритании и Дании еще с 1950-1970-х годов. Особый размах они приобрели в 1980-е годы в Великобритании с приходом к власти М. Тэтчер и ее известным выступлением на саммите ЕС в 1988 г. в Брюгге. Именно Тэтчер ввела термин «евроскептицизм» в политическую жизнь и в политическую науку. Он использовался в более широком значении и отождествлялся с Великобританией как «евроскептической страной». См.: *George S.* An Awkward Partner: Britain in the European Community. Oxford, 1998.

⁵ *Taggart P., Szczerbiak A.* Opposing Europe // *Sussex European Institute Working Papers*. 2000. Vol. 36. P. 7.

⁶ *Kopecký P., Mudde C.* The Two Sides of Euroscepticism. Party Position on European Integration in East Central Europe // *European Union Politics*. 2002. 3 (3). P. 300–304.

⁷ *Ibidem.*

⁸ *Taggart P., Szczerbiak A.* Theorising Party Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement and Causality // *Sussex European Institute Working Papers*. 2003. Vol. 69. P. 7–8.

⁹ *Ibid.* P. 12.

¹⁰ См., напр.: *Henderson K.* Euroscepticism or Europhobia // *Sussex European Institute Working Papers*. 2001. Vol. 50; *Riishej S.* Europeanisation and Euro-scepticism. Experiences from Poland and the Czech Republic // *Central European Political Studies Review*. 2004. Vol. 6/4; *Хубериас К.Ф.* Антиевропеизм и евроскептицизм: анализ ситуации после расширения Европейского союза на восток // *Европа. Журнал польского Института международных дел*. Варшава, 2007. Т. 7. № 2 (23); *Lecante S.* Understanding Euroscepticism. The European Union Series. Palgrave Macmillan. 2010 и др.

¹¹ *Задорожнюк Э.Г.* Внешнеполитическая ориентация стран Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 1989-1991 гг. // Доклад на Круглом столе «Центральная и Юго-Восточная Европа: между Москвой и Брюсселем». Москва, 9 июня 2015 г.

¹² *Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократы Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX–XXI вв. // *Европа. Журнал польского Института международных дел*. 2002. Т. 2. № 3–4. С. 163.

¹³ *The Economist*. 2014. 17.05. P. 38.

¹⁴ См.: *Задорожнюк Э.Г.* Неуслышанные споры: евразийцы о судьбах славянства // *Вопросы истории*. 2016. № 7. С. 49–64; *она же.* Славянский вопрос в историческом наследии евразийства: историческая реконструкция // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Соглашение (согласие), договор, компромисс в истории, языках и культуре славянских народов*. Отв. ред. Е.С. Узенева. М., 2016. С. 353–365.

¹⁵ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 36, 77, 148, 175, 255, 286, 327, 351, 378, 415. В чешских источниках за 2015 год приведены следующие данные: Чехия — 32 759 долл.; Словения — 31 144; Словакия — 29 105; Польша — 26 261; Хорватия — 21 880; Болгария — 17 958; Черногория — 15 464; Македония — 13 908; Сербия — 13 721; БиГ — 10 633. См.: <https://cs.wikipedia>.

org/wiki/Seznam_států_světa_podle_HDP_na_obyvatele. В середине 2016 г. ВВП на душу населения составлял в Чехии 85% от общего уровня ЕС, Словении — 83, Словакии — 77, Польше — 69, Хорватии — 58, Болгарии — 46, Черногории — 41, Македонии — 47, Сербии — 36%. См.: *Česko je patnáctou nejbohatší zemí EU. Nové porovnání ukazuje, jak doháníme Západ* // <https://zpravy.aktualne.cz/ekonomika/cesko-je-patnactou-nejbohatsi-zemi-eu-nove-porovnani-ukazuje/r~4c9b709e330c11e682470025900fea04/?redirected=1487150696>.

¹⁶ См.: Центральная и Юго-Восточная Европа... С. 36, 77, 148, 175, 255, 286, 327, 351, 378, 415.

¹⁷ *Забродина Е.* Евроскептики празднуют беспрецедентный успех в Польше // Коммерсант. 2016. 31.01.

¹⁸ www.gazeta.ru/politics/2016/12/18.

¹⁹ *Забродина Е.* Указ. соч.

²⁰ *Bednářová L.* Sobotka speaks out against Brexit and Czexit // <http://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/sobotka-speaks-out-against-brexit-and-czexit/>

²¹ *Perring R., Pallenberg M.* MAPPED: Czexit, Pexit, Frexit — EU referendum CONTAGION sweeps Europe amid political quake // <http://www.express.co.uk/news/politics/682403/EU-Referendum-Europe-Brexit-eurosepticism>

²² Согласно Конституции, чешский президент не обладает полномочиями проведения референдума.

²³ *Zeman je pro referendum o českém odchodu z EU a NATO, hlasoval by ale proti* // www.rozhlas.cz/politika/zprava_2016.30.06.

²⁴ *Za migraci nemůže Islamský stat, ale evropská politika, řekl exspresident Klaus* // www.denik.cz. 2017. 08.01.

²⁵ *Taggart P., Szerbiak A.* Introduction: Opposing Europe? The Politics of Eurosepticism in Europe. New York, 2008. P. 281.

²⁶ *Fico prezradil krutú pravdu: Bez EÚ by sme neprežili, hrozí jej koniec!* // www.topky.sk. 2016. 26.06.

²⁷ www.polpred.com. № 1818018.

²⁸ *The Economist*. 2015. 17.01. P. 24.

²⁹ www.vz.ru/world/2016/11/14/843542.

³⁰ *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М., 1999.

³¹ См.: info-Balkan.ru/eurosepticism-v-Serbii 2015. 14.11; *Кудряшова Ю.* Сербия и ЕС: экономика, политика, эмоции // old.mgimo.ru/news/document_248287.phtml.

³² Коммерсант. 2017. 01.02.

³³ *The Economist*. 2015. 5.03. P. 26.

³⁴ www.politforums.net. 2015. 04.06.

³⁵ *Логинов В.* Бедность скрепляет Евросоюз. Чем богаче страны Евросоюза, тем популярнее там евроскептики // https://www.gazeta.ru/politics/2016/12/18_a_10434815.shtml.